

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»

пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, 656049
Тел. (385-2) 291-291. Факс (385-2) 66-76-26
E-mail: rector@asu.ru

22.04.2022 № 10-2-21/05/2217

на № _____ от _____

Утверждаю:

Проректор по научному и инновационному
развитию федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Алтайский
государственный университет»,
доктор географических наук, доцент
Дунец Александр Николаевич

**Отзыв ведущей организации
на докторскую диссертацию
Васильевой Галины Михайловны
«Фауст И.В. Гете в русском и европейском литературном
сознании», представленную в диссертационный совет Д 212.062.04 по
защите диссертаций на соискание ученой степени доктора
филологических наук при Ивановском государственном университете**

**Специальности 10.01.01 – русская литература, 10.01.03 – литература
народов стран зарубежья (немецкая)**

В диссертации исследуется место трагедии И.В. Гёте «Фауст» (1774–1831) в европейской культурно-исторической общности, хронологически принадлежащей к периоду XIX–XXI вв.

Во введении к диссертации дана исчерпывающая характеристика степени изученности произведения. По словам исследователя, «к идее Гёте о литературе, выходящей за границы национальной среды, обращались серьезные исследователи: В.А. Аветисян, Г.Г. Ишимбаева, Г.В. Стадников, С.В. Тураев, Ф. Моретти, П. Казанова, Д. Дамрош, Ж. Давид и др.» (с.5).

В работе рассматривается морфология культуры Гёте и выделяются три важных ее аспекта – история философии и контекст эпохи; анализ опорных понятий социальных и гуманитарных дисциплин; практика перевода как особой формы мысли. Перечисленные аспекты культуры Гёте определили структуру диссертации Г.М. Васильевой: первая глава является вводной, вторая и третья главы посвящены литературе, четвертая глава – философии, пятая глава – переводам.

По мнению автора диссертации, «сравнение органической природы и художественного произведения является одним из элементов поэтической морфологии» (с. 10). В работе перечисляются ключевые антропонимы, праслова, корневые (ростковые) точки Гёте – *Faust, Wort, Sinn, Kraft, Tat*. Особо важным для исследования представляется отношение немецкого писателя к тексту, как к ткани, растению, дереву, к сочинениям, как к нитям.

Актуальность диссертации определяется интересом к компаративистике, к литературным, культурным, философским взаимосвязям России и Германии.

Научная новизна работы обусловлена введением в научный оборот сочинений А.М. Овчинникова, М. Семперверо, К.А. Иванова, а также никогда не публиковавшегося, новонайденного автографа Н.Б.

Объектом исследования являются культурный феномен под названием Гёте, а предметом – его «Фауст».

Целью научного сочинения можно считать выявление результатов влияния трагедии Гёте на русское и европейское литературное сознание.

В работе говорится об использовании интегративного междисциплинарного подхода. Это объясняет выходы исследователя в сферы философии, лингвистики, истории, культурологии, психологии и т.д.

В первой главе работы **«МОРФОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ИДЕЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.В. ГЁТЕ»** говорится о влиянии естественных наук на немецкого писателя. В этой связи особое внимание уделяется понятию морфологии: языка, произведения, творчества, культуры. Речь идет о системности и целостности этих образований. Устанавливаются связи между культурой и биологической жизнью человека. Язык, произведение, культура напоминают собой цветущее растение.

Утверждается, что «Фауст» – это воплощение загадки, затруднения, недоумения, трудноразрешимых проблем. Произведение притягивает своей загадочностью, борьбой явного и скрытого, бытового и таинственного. Иератическая таинственность трагедии создается благодаря тому, что автор диссертации называет тканью, плетением текста, созданием текста-тканя. Творец произведения выступает в роли ткача. Произведение состоит из фрагментов, нитей, волокон, тесно связанных между собой. По словам автора диссертации, «важнейшими константами трагедии, ее смысловым и лексическим центром являются слова со значением *ткань*» (с. 61).

В диссертации идет речь о трех прологах к «Фаусту», которые образуют единое целое. В первом из них рассказывается о человеке, об авторе, во втором – о поэте, который предпочитает оптическое гаптическому, в третьем – о боге. Представленный в работе материал наводит на размышления о литературных истоках «Разговора книгопродавца с поэтом» А.С. Пушкина, «Разговора поэта с богачом старинным его знакомцем» К.Ф. Рылеева, «Разговора о Данте» О. Манделштама.

Материал главы позволяет автору диссертации постепенно и органично вводить фрагменты произведения Гёте, демонстрировать глубокое

проникновение в литературный материал. Г.М. Васильева размышляет о взаимоотношениях учителя и ученика, отца и сына, бога и поэта в соответствии с гётевской триадой, обращаясь к сценам «Ночь», «У ворот».

Внимание исследователя привлекает сцена «Кабинет Фауста». Перевод фрагмента «Im Anfang war...» (Bd. 3, S. 44), представленного в приложении 11, приводит автора диссертации к мысли о том, что «лествица Гёте отличается за счет краёв, конца строк: *Wort, Sinn, Kraft, Tat*. Речь идет о несомненной инновации: писатель вводит в триаду еще один уровень. Возникает тетрада, и переходы в ней построены не по градуальному принципу» – Слово – Чувство – Сила – Дело (с. 98). Вэтом контексте рассматривается имя главного героя. Появившееся в тетраде слово Сила неразрывно связано с именем и с представлением об образе Фауста: «*Kraft* отсылает к жизненной силе, вечнозеленому дереву жизни, соотносится и с физической силой, и со значениями «сверхъестественная сила», «божественная сила», «спасение»...» (с. 102).

Размышления о Мефистофеле приводят Г.М. Васильеву к мысли о том, что «высказывание Дьявола обладает высокой энергией эпитафия, который не только подчеркивает связь с источником, но проявляет таинственность строк Гёте» (с. 106), «фраза имеет аксиоматическое построение, состоит из взаимоисключающих положений и воплощает парадоксальную логику» (с. 106). Высказанное замечание не вызывает возражения. Добавим только, что до художественного предела, до жуткого по своей силе предела довел логику Гёте М.Ю. Лермонтов в клятве Демона Тамаре: «Клянусь я первым днем творенья, / Клянусь его последним днем». Русский поэт, без сомнения, был не только учеником немецкого мастера, но и конгениальным ему по силе выраженной мысли – поэтом и богом. Чтение «Фауста» не прошло для него бесследно. Если Мефистофель у Гёте характеризуется с помощью диминутивов (наблюдение над ними относится в этой связи к интереснейшим в диссертации), то у Лермонтова Демон превращается в главного героя. Русский поэт показывает трагедию своего персонажа, а одним из прообразов его является Мефистофель.

Одним из последствий заключенного между Фаустом и Мефистофелем договора стало то, что «обреченного жить в четырех стенах, соблазн воплощался в путешествии» (с. 121) – «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге», «Кухня ведьмы», «Улица», «Вечер».

Во второй главе диссертации «**АКСИОДОМИНАНТЫ И.В. ГЁТЕ И МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ИХ ВОПЛОЩЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**», характеризуя «Сцену из Фауста» А.С. Пушкина», Г.М. Васильева обращает внимание на то, что русский автор придал великому произведению Гёте смысл своего народа. Только вот какой смысл? Нам представляется, что внимание Пушкина, а тем более Лермонтова, переориентировано на образ Мефистофеля, а не Фауста. То, что интересовало немецкого поэта, он вынес в название своего произведения – «Фауст». То, что занимало Лермонтова, он вынес в название своей поэмы – «Демон». В пушкинском творчестве есть

неосуществленный замысел поэмы и повести о влюбленном бесе. Лермонтов использовал аналогичный сюжет. Скучающему современному человеку и Пушкин, и Лермонтов стремились противопоставить грандиозный образ Искусителя. Связи, касающиеся демонической темы в творчестве обоих авторов, существуют и они разнообразны. Лермонтов начал свою полемику с Пушкиным, написав в 1829 году стихотворение «Мой демон». Вряд ли стоит преуменьшать значение литературных связей между Лермонтовым и Гёте. Русский автор стремился к созданию грандиозного образа Мефистофеля – Демона. В этой связи возникает вопрос: В чем автору диссертации видится специфика восприятия «Фауста» И.В. Гёте А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым?

В контексте размышлений автора диссертации о литературных связях декабристов и Гёте симптоматично указание В.К. Кюхельбекера на то, что «Фауст» представляет собой «трагическую басню». Сочетание трагизма и дидактики, величия и готовности к жертве, даже если она кажется бесполезной, – это, как нам представляется, суть восстания декабристов. Стремление Кюхельбекера «превратить самозванца в «русского Фауста» (с.150) свидетельствует о сочетании высокого и низкого в его прототипе, в Гришке Отрепьеве, точно также, как само произведение Гёте предполагает сочетание высокого и низкого – трагедии и басни. Балансирование на грани – это то, что притягивает внимание поэта-декабриста и участника восстания декабристов.

Автор диссертации рассматривает Хлестакова в «Ревизоре» Н.В. Гоголя как героя фаустианского типа. Мы полагаем, что сама литературная параллель вызывает сомнения. Но все же, если она имеет право на существование, то опять-таки не в контексте образа Фауста, а Мефистофеля. Хлестаков – это, как нам думается, воплощение гётевского диминутива. Это не просто изречения гётевского персонажа, а ходячий диминутив, пародия на Мефистофеля.

И.А. Гончаров, по мнению Г.М. Васильевой, оказывается посвященным в таинства творчества немецкого автора, но не напрямую, а благодаря «двойной интертекстуальности», так как «один и тот же мотив берется из разных культурных миров, создавая игру значений» (с. 166).

В связи с размышлениями о влиянии Гёте на Л.Н. Толстого внимание автора диссертации привлекает не столько образ Фауста, сколько образ его творца, мастера, который заботится о точности описания, превращает обыденное и повседневное в эстетический объект, отрицательно относится к риторике.

Опосредованным было воздействие Гёте на И.А. Бунина и Е.И. Замятина. Так, «в биографической книге Бунина «Освобождение Толстого» (1937) наличие имени Толстого имплицитно имя Гёте (но не наоборот)» (с. 178), а «в художественном мире Замятина образы Фауста и Мефистофеля сплавляются в сложное целое» (с. 185). Та же самая мысль еще более отчетливо дает о себе знать в подпараграфе о «Возвращении доктора Фауста» Э.Л. Миндлина. В самом деле: «Название романа не соответствует

содержанию» (с. 189), «в «Возвращении» нет ни одного признака из набора эмблем Мефистофеля» (с. 195), «развязка интриги остается неизвестной, тема Фауста – непроявленной» (с. 198).

В третьей главе диссертации **«ДВА МОДУСА ВОСПРИЯТИЯ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП»** речь идет о разных способах изображения героев «Фауста» Гёте. Один способ предполагает уважительное отношение к литературным героям, а другой – комическое, разоблачающее, уничижительное, придающее им карикатурный характер. Так, в первом параграфе этой главы «Миграция и трансформация образов “Фауста” в журнале “Будильник”» автор диссертации отмечает, что «на страницах журнала происходит «великое переселение» образов из трагедии немецкого писателя, из оперных либретто о Фаусте. Используется один и тот же прием: имитация оригинала в разных жанрах. Источником порыва к тотальности является стиль барокко, которому присущи театрализация и разоблачающий себя иллюзионизм» (с.219). Г.М. Васильева рассматривает фарсы Д.Д. Минаева «Фауст на Неве», Мemento Мори «Ночь на Ивана Купала (Сцена из Фауста), Л.М. Медведева «Современный Фауст (Просят не смешивать с “Фаустом” Гёте). Довольно драматическая поэма».

Во втором параграфе «Специфика преемственных связей: «Стать притчей во языцех» и «Всяк сущий в ней язык» речь идет, в частности, о мифообразе И.В. Гёте и «Фауста» в творчестве А.П. Чехова, о том, что «в прозе Чехова возникает подвижное, динамическое соотношение двух полярных образов Гёте и его сочинений. “Фауст” предстает как трагический мир и несколько лубочное, похожее на святочную картинку, уютное и домашнее пространство» (с. 237). Кроме того, автор диссертации вступает в полемику с В.В. Набоковым, полагая, что, «упрекая писателя в пошлости», он «не заботился о доказательствах и аргументах» (с. 239).

В третьем параграфе «Голос И.В. Гёте: «По ту сторону Тулы» А. Николева», с одной стороны, отмечается, что «в романе приводятся словарная дефиниция «Фауст», имя Маргариты (с. 178), упоминается песня Гретхен «EswareinKöniginThule» (с. 13–14) и дается аллюзия на сцену из трагедии («Маргарита на соломе», с. 29) (с. 245), с другой стороны, подчеркивается, что «в романе жужжит цитатная полифония, реминисценции сплетаются и перетекают друг в друга» (с. 250).

В четвертом параграфе «Воспитательная интенция Мефистофеля: “квартирный вопрос” в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”» содержатся интересные наблюдения Г.В. Васильевой, связанные со скрытой и опосредованной цитацией «Фауста» Гёте русским автором через лексику и образность журналов «Будильник» и «Сатирикон».

В четвертой главе **«“ФАУСТ” В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ТИПОВ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ»** утверждается, что у А. Шопенгауэра «фаустовский человек» должен отличаться отрицанием своеволия, стремлением к аскезе, у Ф. Ницше «созерцательный человек» Гёте «собирает для своего пропитания все великое и достопримечательное, что когда-либо было и еще есть на свете» (с. 274),

уО.А.Г. Шпенглера «типу Фауста Нового времени» соответствуют символы исторической страсти, «к ним относятся исповедь и самонаблюдение, вечная забота, тяга к далям прошлого и будущего, исследование истории, обращенное назад» (с. 278).

По словам Г.В. Васильевой, Г.Г. Швиттау «соотносил социальные понятия с автономной тканью общественной жизни и ее сложными формами. Подобно Гёте, он прибегал к биологическому термину “ткань”» и старался ограничить вмешательство в нее» (с. 293 – 294)

В связи с деятельностью Московского лингвистического кружка указывается на то, что А.Г. Габричевский является создателем образа-парадигмы «гётерономия», которое «возникает из линейной экстраполяции биологического термина «гетерономия» (с. 298).

В.Я. Пропп, как и Гёте, сближал биологию и филологию, позаимствовал определение морфологии у создателя «Фауста».

В пятой главе **«КОММЕНТАРИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРАКТИКА»** упоминается о том, что Гёте выделял три вида перевода: прозаический, пародийный и идеальный, содержатся заслуживающие внимания практические рекомендации автора диссертации по переводу «Фауста»: создание пересказа-подстрочника, использование лексических повторов, учет взаимодействия мистических и сатирических уровней, философского и бытового начал, сохранность экспансии уменьшительных суффиксов в речи Мефистофеля, способность аугментативов уравнивать диминутивы.

В фольклорном переводе А.М. Овчинникова «поэтические редкости соседствуют с ругательствами или бранными характеристиками» (с. 351), в нем одновременно воспроизводится Гёте «темный» и Гёте «светлый», сближаются эмпирика и эмпирей (с. 355).

В гибридном издании Семперверо (М. Четверикова) представлены образцы переводов трагедии – русских (М. Вронченко, Э. Губер, А. Струговщиков, И. Греков); французских (А. Блаз де-Бюри, Ж. де Нерваль), английского (А. Гоуард) (с. 359), в своем научном переводе он «использует разные средства для осмысления образа: сноски, объяснительные фразы, комментарии к историко-культурным реалиям и аллюзиям» (с. 360).

К.А. Иванов в своем «антропоцентрическом» переводе «вывел Гёте и его трагедию «Фауст» за пределы «литературы» как свою абсолютно личную историю» (с. 371).

Г. Гейне создал «танцевальную поэму», хореографическое представление в пяти действиях «Доктор Фауст». Он «допускал конфликтность толкования трагедии предшественника» (с.381), «рассматривал свою поэму как конгениальную народным книгам и не уступающую в художественном отношении трагедии предшественника» (с.383), считал, что «народно-религиозная традиция является основой аксиологической, культурной, исторической картины мира» (с.391).

Перевод «Фауст и Маргарита Гёте» под монограммой Н.Б. включается автором диссертации «в контекст переделок для сцены, оперных либретто и балетных сценариев» (с. 393), «либретто «растет» из низовой культуры, но апеллирует к высокой культуре» (с. 394), «Н.Б., вступая в сотворчество с Гёте и с автором “немецкой переделки”, соотносил свой перевод с отечественной культурой. Именно в ней произведение должно было стать и не стало театральным фактом» (с. 396).

В заключении, которое всецело соответствует содержанию диссертации, подводятся итоги, связанные с предпринятым изучением «Фауста» И.В. Гёте, и намечаются перспективы, предполагающие создание компьютерного свода переводов трагедии немецкого автора.

Внутренний список литературы, насчитывающий 372 наименования, включает в себя источники на русском языке и иностранных языках. Диссертация содержит 19 приложений, представляющих собой переводы Г.М. Васильевой отдельных фрагментов из «Фауста» Гёте.

Теоретическая значимость диссертации связана с выявлением закономерностей, обусловленных влиянием идей Гёте на русское и европейское литературное сознание.

Положения, выносимые на защиту, несомненно, являются обоснованными, новыми, достоверными, свидетельствующими о существенном вкладе Г.М. Васильевой в исследование «Фауста» Гёте и его влияния на русское и европейское литературное сознание.

Автореферат диссертации в полной мере отражает ее содержание, он включает 1 монографию, 1 главу в коллективной монографии, 3 учебных пособия, 2 перевода, 163 статьи по теме работы, в числе которых 20 размещены в изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертация «“Фауст” И.В. Гёте в русском и европейском литературном сознании», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, отражающие «фаустианство» как самостоятельный объект, выявляющие специфические для этого объекта закономерности, демонстрирующие соответствующий понятийно-терминологический аппарат, расширяющие представления о рецепции классического наследия и культурных форм и дающие комплексный подход к русским воплощениям Гёте.

Совокупность научных результатов, полученных в ходе исследования, можно квалифицировать как серьезное научное достижение. Диссертационное сочинение соответствует требованиям, изложенным в пп. 9–11 и 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013, № 842 (в редакции от 11.09.2021 № 1539)». Автор диссертации, Васильева Галина Михайловна, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература, 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (немецкая).

Отзыв составлен доктором филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, доцентом, профессором кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный университет» Гребневой Мариной Павловной. Отзыв обсужден на заседании кафедры 24 марта 2022 г., протокол № 6 (принято единогласно).

21 апреля 2022 г.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Гребнева Марина Павловна

Заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» кандидат филологических наук, доцент

Доронина Светлана Валерьевна

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»
пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, 656049
Тел. (385-2) 291-291. Факс (385-2) 66-76-26
E-mail: rector@asu.ru
<http://www.asu.ru>

Подпись (и) ЗАВЕРЯЮ

Начальник Управления кадров

А. Н. ТРУШНИКОВ